

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА ПО ДАННЫМ НЕКРОПОЛЯ (на примере города Колы)¹

П.В. Федоров, А.А. Малащенко

Некрополи испытывают на себе интерес разных отраслей наук – от археологии и истории до искусствоведения и социальной антропологии. Этот интерес, тем не менее, довольно эпизодичен и крайне неравномерен в разных регионах России. Самым представительным жанром в российской некрополистике, как и в дореволюционное время, остаются систематические описания кладбищ. Между тем, если они и появляются благодаря титаническим усилиям исследователей, то, как правило, принципиально не выходят за рамки той методологии и методики, которую использовали некрополисты в прошлом, – В.И. Саитов, В.Л. Модзалевский и др. Основная задача таких описаний, как и в досоветское время, состоит в подготовке традиционного реестра захоронений, делающего память об умерших независимой от нередко меняющегося кладбищенского ландшафта, разрушений, вандализма и т.д.

Тем не менее, кроме «фиксаторской» функции, такие систематические описания могут принести гораздо больше пользы, если посмотреть на кладбище и, соответственно, на алгоритм его описания с точки зрения *социометрии*. Социометрические исследования кладбищ крайне редко еще применяются в научной практике, что связано, возможно, как с их большой трудоемкостью, так и с неразработанностью научной методики. Между тем кладбище, благодаря своему насыщенному символическому пространству и способности накапливать и маркировать время, представляет собой идеальное *социометричное поле*, отражающее историю мемориальной культуры, а через нее – социокультурную динамику того населенного пункта, при котором оно действует.

В настоящий момент готовится научная публикация по результатам социометрического исследования городского кладбища Колы, расположенного в районе улицы Каменный остров, вблизи храма преподобного Варлаама Керетского. Это кладбище представляет собой весьма интересный объект научного изучения. Появившись в XVIII в., оно продолжает действовать до сих пор, являясь самым старым православным *городским* кладбищем на Кольском Севере. До 1971 г. Кольское кладбище было единственным, где проводились систематические захоронения жителей Колы. В 1971–1993 гг. для захоронений оно было закрыто. С 2003 г. здесь разрешены только подзахоронения к родственникам.

В ходе исследований на городском кладбище Колы были тщательно образом описаны все 4443 сохранившиеся (на 1 января 2012 г.) захоронения, имеющие надмогильные сооружения. Далеко не каждое надмогильное сооружение содержало надпись с датой смерти умершего и, следовательно, могло быть привязано к тому или иному временному периоду. В общем количестве выявленных и описанных захоронений датированными оказались 3319 (или 74,7%). Их возраст колеблется от 0 до 190 лет (с 1821 г. до 1 января 2012 г.).

Численность населения Колы достигла своего максимального значения к началу 1990-х гг., составив 16,5 тыс. чел. Кладбище с его массивом данных представляет собой своеобразное «зеркало», в котором отражается не только социо-

культурный «портрет» Колы, но и ее социокультурная динамика. В настоящей статье будут представлены лишь некоторые результаты проведенной работы.

Прежде всего, некрополь интересен тем, что он способен «проиллюстрировать» процессы, которые происходят в межпоколенческой структуре населенного пункта. Для этого можно оценить степень сохранности памятников, которая выявляется на основе сравнения количества сохранившихся надгробных сооружений с количеством умерших в г. Коле. Статистика по умершим была взята: до 1920 г. по метрическим книгам Кольского собора и других приходов края (по отметке о захоронении тела на Кольском кладбище)²; за 1920–1949 гг. – по данным, предоставленным Кольским районным ЗАГСом³; за 1950–2009 гг. – по данным, предоставленным Мурманским областным управлением статистики⁴.

Данные, содержащиеся в таблице 1, свидетельствуют о том, что кладбище не сохранило память обо всех умерших. Чем больше возраст надмогильного сооружения, тем больше вероятность для него разрушиться и исчезнуть. Коренные жители Колы объясняют исчезновение памятников «временем», качеством самих памятников и тем, что на сравнительно небольшой территории старинного кладбища за годы его существования возникла большая плотность захоронений.

«Вот все у меня вопрос стоит: почему?... Время, во-первых... Народ... Остались плиты... более-менее состоятельные, очевидно, да, поставили эти плиты... А простой смертный не мог поставить плиты... Вот из-за этой причины...» (М., 1931 г.р.)

«От времени... от времени разрушено. А вот там где, дядь Вася... чуть пониже туда на насыпке-то новой, там был целый погост Шабуниных. Ну, а теперь уже все... перезахоронено там, как говорят, трупы на трупах» (Ж., 1939 г.р.)

«Пробелы» в кладбищенском «контенте» современного периода объясняются, прежде всего, действием запрета на захоронения в 1971–1993 гг., который нарушался крайне редко. Причем, даже после снятия запрета в 1993 г. кладбище не принимало от трети до половины всех умерших (и даже больше в связи с тем, что в число похороненных в Коле традиционно примешиваются жители других населенных пунктов, включая Мурманск). Жители Колы после смерти обретали вечный покой уже не только в Коле, но и на других кладбищах поблизости с Коллой, в т.ч. на открывшемся в 1971 г. «новом» Мурманском городском кладбище на 7–8 км шоссе Кола–Мурмаши.

В кладбищенском ландшафте хорошо виден ареал современных мемориальных практик местного населения. В настоящий момент на Кольском кладбище 97,4% датированных захоронений относится к временному интервалу с 1950-х гг. до современности⁵. Можно сделать вывод о том, что в пределах этой «границы сохранности» местное сообщество массово следит и ухаживает за могилами своих родственников.

**Количество умерших в Коле и сохранившихся датированных захоронений
на Кольском городском кладбище**

Периоды	Кол-во умерших в Коле, чел.	Кол-во сохранившихся датированных захоронений, ед.	Кол-во сохранившихся датированных захоронений, %	Кол-во захоронений с памятниками-новоделами, ед
до 1834	нет данных	2	—	—
1834–1841	170	0	0	—
1842–1862	нет данных	1	—	—
1863–1869	223	1	0,45	—
1870–1879	315	1	0,32	—
1880–1889	257	0	0	—
1890–1899	208	6	2,88	—
1900–1909	258	6	2,33	—
1910–1919	289	2	0,69	—
1920–1929	392	4	1,02	—
1930–1939	1304	11	0,84	1
1940–1949	1282	53	4,13	12
1950–1959	1045	198	18,95	35
1960–1969	930	332	35,7	60
1970–1979	876	100	11,42	—
1980–1989	1125	9	0,8	—
1990–1999	1743	954	54,73	—
2000–2009	1889	1468	77,71	—
2010–2011	нет данных	171	—	—
ВСЕГО	—	3319	—	108

«Граница сохранности» своеобразно подтверждается и памятниками-новоделами, которые устанавливаются родственниками на месте старых, обветшавших надмогильных сооружений. В связи с тем, что производство и использование гранитных стел на местных кладбищах началось с середины 1970-х гг., поначалу было редким и только с 1980-х гг. приняло частый характер, к числу новоделов были отнесены гранитные стелы, установленные на Кольском кладбище до 1970 г. В результате описания памятников удалось выяснить, что преобладающая часть новоделов (87,9%) была установлена местными жителями на захоронениях именно 1950-60-х гг. (табл. 1). Таким образом, коляне испытывают потребность в укреплении памяти об умерших в тех же пределах «границы сохранности».

Глубина «границы сохранности» не является неизменной величиной. Отражая динамику мемориальной культуры, она характеризует деятельность местного населения по репрезентации семейной памяти. По одну сторону этой «границы» находится стихия «беспамятства», по другую – мемориальный ландшафт. В связи с непрекращающимся процессом смены поколений память о дальних пред-

ках стирается: «беспамятство» наступает на «границу сохранности» и сдвигает ее. Последняя начинает «охранять» все более молодые поколения.

Проявившаяся к настоящему моменту глубина «границы сохранности» в ландшафте Кольского кладбища, думается, связана с тем, что воплощенный в погребальную культуру культ предков у многих современных жителей Колы сосредоточен, как правило, на тех старших родственниках, с кем связывало *личное знакомство*. Подавляющая часть ныне живущих в Коле старожилов (1920–30-х гг. рождения) может сохранять четкие воспоминания о старших родственниках, умерших в основном не ранее 1950-х гг. Причем, в пределах настоящей «границы сохранности» (начиная с 1950-х гг. до современности) у них могут быть похоронены не более 2-х поколений предков (родители – бабушки, дедушки). С учетом ныне живущих детей и внуков современных старожилов количество «сообщающихся» поколений возрастает до 5, что свидетельствует о высокой укорененности местного населения. Данные некрополя, позволяющие прояснить актуальную глубину «транспоколенческой» коммуникации, подтверждаются и материалами устно-исторического исследования, проведенного в Коле весной 2012 г.⁶

Для старожилов, чьи семьи переезжали в Колу начиная с 1930-х гг. – времени бурного индустриального строительства, «граница сохранности» Кольского кладбища вполне коррелируется с гипотетическим сроком ухода из жизни первого поколения предков, ставшего инициатором переселения.

Иная ситуация у тех семей, кто ведет свою историю в Коле с досоветского времени. Захоронения представителей третьего и более древних поколений предков современных старожилов Колы, как правило, находятся за чертой «границы сохранности», поэтому подавляющее большинство надгробных сооружений на них разрушилось или потерялось. Предельные значения глубины «врастания» россиян в местный культурный ландшафт иллюстрируют изредка сохранившиеся на Кольском кладбище старинные каменные надгробия. Установленные в XIX – начале XX в.⁷, они по сей день остаются объектами семейной и городской памяти. Увековеченные на старинных надгробиях П. Покидина (скончалась в 1830 г.) и П.Ф. Хохлова (1875) к настоящему моменту являются предками для 7 поколений, М.С. Жеребцов (1898), Ф.А. Измайлова (1876) и М.Д. Зайкова (1892) – для 6 поколений, В.И. Смирнов (1897) – для 5 поколений потомков, укоренившихся в Коле или ее окрестностях (включая потомков современных старожилов).

Покажем возможности применения социометрического подхода еще на одном примере. Для рассмотрения религиозных привязанностей жителей, причем, взятых в их исторической динамике, на Кольском городском кладбище были подсчитаны все захоронения с памятниками (без учета новоделов), где использовалась религиозная изобразительная символика. К ней относились: крест как надгробие; крест как архитектурный элемент надгробия или графическое изображение; барельефные или графические изображения храма, лика святого, ангела; полумесяц как архитектурный элемент надгробия или графическое изображение.

Данные, приведенные в таблице 2, свидетельствуют, что, будучи изначально фактически всецело религиозным⁸, кладбище постепенно обмирщалось. Пик отказа от религиозной изобразительной символики пришелся на 1950–90-е гг., что можно связать с последствиями антирелигиозной борьбы Советского государства и внедрения атеистической идеологии в сознание людей. Более двух третей дати-

рованных захоронений 1970-х гг. уже не имеет на памятниках религиозных изобразительных символов.

К периоду 1930–40-х гг. относится и появление надмогильного атеистического символа – венчающей стелу или обелиск фигуры пятиконечной звезды, возникшей как элемент архитектурного украшения в качестве альтернативы традиционному кресту. Достигнув своего апогея в 1950–60-е гг., звезда так и не сумела затмить крест. Количество датированных захоронений со звездами на Кольском кладбище в 4–5 раз меньше, нежели захоронений с религиозными изобразительными символами.

С 1980-х гг. количество захоронений с религиозными символами стало расти, что совпало с новым духовным ренессансом в российском обществе, и ныне приблизилось к уровню досоветской эпохи. Пятиконечная звезда, как архитектурный элемент, практически исчезает с современных памятников, трансформируясь в графическое изображение. Но уже в графическом виде она не является оппозицией по отношению к кресту и символизирует, скорее, биографические и профессиональные характеристики умершего (службу в армию, участие в войне и т.д.). Ведь на пяти надгробных памятниках, установленных в современный период, графическое изображение звезды уже соседствует с изображениями креста.

Таблица 2

Количество датированных захоронений на городском кладбище Колы с религиозной изобразительной символикой и без нее (без учета новоделов)

Периоды	Общее кол-во датированных захоронений (без новоделов), ед.	Кол-во захоронений с религиозной изобразительной символикой, ед.		Кол-во захоронений без религиозной изобразительной символики, ед.		
		Всего	% от общего кол-ва	Всего	% от общего кол-ва	В том числе увенчанных фигурой звезды
1821–1899	11	10	90,91	1	9,09	–
1900–1919	8	7	87,5	1	12,5	–
1920–1929	4	4	100,0	0	0	–
1930–1939	10	8	80,0	2	20,0	1
1940–1949	41	29	70,73	12	29,27	5
1950–1959	163	78	47,85	85	52,15	29
1960–1969	272	121	44,49	151	55,51	36
1970–1979	100	29	29,0	71	71,0	10
1980–1989	9	5	55,56	4	44,44	–
1990–1999	954	502	52,62	452	47,38	1
2000–2009	1468	1108	75,48	360	24,52	1
2010–2011	171	155	90,64	16	9,36	–
ВСЕГО	3211	2056	–	1155	–	83

Таким образом, социометрические исследования кладбища, основанные на его систематическом описании, открывают новые горизонты в некрополистике и должны непременно проводиться как во всей России, так и на Кольском Севере.

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-31-01200).

² Государственный архив Мурманской области. Ф. И.-16 (Кольский Благовещенский собор Мурманского благочиния Олонецкой епархии), И-136 (Коллекция метрических книг приходов и церквей Александровского уезда Архангельской епархии).

³ Письмо из Кольского районного ЗАГСа № 2019 от 28.12.2011.

⁴ Письмо из Мурманскстата № 16-05/5051 от 26.12.2011.

⁵ На 1 января 2012 г.

⁶ Федоров П.В. Полевые исследования культурной памяти старожильского населения северных районов Кольского полуострова в 2012 г. // Живущие на Севере: Альманах. – Мурманск: МГГУ, 2012. – Вып. 2. – С. 118–120.

⁷ Кольский некрополь – памятник истории и культуры северного уездного города России XIX – начала XX вв.: Каталог / Сост. П.В. Федоров, А.А. Малашенков. – Мурманск, 2010.

⁸ Не исключено, что относящиеся к периоду 1821–1919 гг. две стелы без религиозной изобразительной символики потеряли ее вследствие разрушительного воздействия времени.